

Предисловие автора для российского издания

Читатели русскоязычного издания книги должны знать, что в ней сохранены особенности синтаксиса оригинального текста на английском языке. Paperboy был написан без использования запятых. Юный герой, ведущий повествование, понимает, что запятые указывают на паузы. Однако он осознает, что изнуряющее его заикание вынуждает его слишком часто останавливаться во время разговора — и против его воли. Именно поэтому он приходит к заключению, что написание текста без использования запятых приносит ему чувство освобождения.

Читатели также заметят, что диалоги оформлены не по правилам — без тире и кавычек. Я хотел, чтобы вы почувствовали: мальчик изливает свою душу, набирая этот текст на печатной машинке, совершенно не беспокоясь о правилах пунктуации.

Буквы «с-с-с», встречающиеся в тексте произведения, не используются для имитации заикания мальчика, а просто служат сигналом для читателя — «мальчик заикается в этот момент».

Отступления от общих правил повествования должны помочь читателям как можно лучше понять маленького заикающегося разносчика газет.

Винс Воутер
США

Глава первая

Я почему печатаю на машинке про ту драку с ножом? Потому что я не могу разговаривать.

Не заикаясь.

И еще я обещал Ма никому не рассказывать историю про ножик с желтой ручкой. Может Ма и скажет что печатать на машинке значит жульничать но мне надо видеть слова на бумаге. Я только тогда могу сказать наверняка что все было именно так как мне запомнилось. Словам на бумаге я доверяю больше чем словам в воздухе.

Я смешно говорю но это «смешно» не как у толстых поросят из мультиков. Я просто залипаю на каком-нибудь звуке и пытаюсь вытолкнуть слово. Иногда получается. А иногда лицо у меня краснеет я начинаю задыхаться да к тому же голова кружится. И ничего с этим не поделаешь. Можно только придумать другое слово или продолжать выталкивать из себя то первое.

Родители наняли специальную учительницу которая занимается со мной чтобы я правильно говорил. И она показала мне один приемчик. Называется «свисток». Если чувствуешь что вот-вот завязнешь на каком-нибудь слове надо чуть-чуть выдохнуть через рот.

И когда я понимаю что вот сейчас упрусь в трудное слово то подбираюсь к нему не сразу. Сначала надо пошвистеть-пошипеть.

С-с-с.

В одиннадцать лет лучше прослыть змеей чем тормозом.

Бывает что в школе я спотыкаюсь о целую кучу слов. Когда я в такие дни возвращаюсь домой то вставляю в пишущую машинку лист линованной бумаги — кто-то из отцовской конторы принес стопку а забрать забыл. Вот на нем я сейчас и печатаю. Выстукиваю слова от которых больше всего натерпелся за день. Пальцы сами знают где какие буквы и не нужно изобретать приемчики чтобы вытолкнуть слово наружу.

Мне нравится звук — с каким молоточки шлепают по черной ленте — потому что он всегда один и тот же. Я же никогда не знаю какие звуки выйдут из моего рта. Если вообще хоть какие-нибудь выйдут.

И еще. Я ненавижу запятые. Если можно обойтись без них — я их и не печатаю. Наш учитель литературы говорит: запятая означает что надо ненадолго остановиться. А я постоянно останавливаюсь хочу того или нет. Причем надолго. Так что я стараюсь не печатать запятушек. Я лучше напечатаю квадриллион «и».

Я столько стучу на машинке что белые буквы на клавишах уже стираются. Но клавиша с запятой как новенькая. И пусть такой остается.

Глава первая

Я почему печатаю на машинке про ту драку с ножом? Потому что я не могу разговаривать.

Не заикаясь.

И еще я обещал Ма никому не рассказывать историю про ножик с желтой ручкой. Может Ма и скажет что печатать на машинке значит жульничать но мне надо видеть слова на бумаге. Я только тогда могу сказать наверняка что все было именно так как мне запомнилось. Словам на бумаге я доверяю больше чем словам в воздухе.

Я смешно говорю но это «смешно» не как у толстых поросят из мультиков. Я просто залипаю на каком-нибудь звуке и пытаюсь вытолкнуть слово. Иногда получается. А иногда лицо у меня краснеет я начинаю задыхаться да к тому же голова кружится. И ничего с этим не поделаешь. Можно только придумать другое слово или продолжать выталкивать из себя то первое.

Родители наняли специальную учительницу которая занимается со мной чтобы я правильно говорил. И она показала мне один приемчик. Называется «свисток». Если чувствуешь что вот-вот завязнешь на каком-нибудь слове надо чуть-чуть выдохнуть через рот.

И когда я понимаю что вот сейчас упрусь в трудное слово то подбираюсь к нему не сразу. Сначала надо пошвистеть-пошипеть.

С-с-с.

В одиннадцать лет лучше прослыть змеей чем тормозом.

Бывает что в школе я спотыкаюсь о целую кучу слов. Когда я в такие дни возвращаюсь домой то вставляю в пишущую машинку лист линованной бумаги — кто-то из отцовской конторы принес стопку а забрать забыл. Вот на нем я сейчас и печатаю. Выстукиваю слова от которых больше всего натерпелся за день. Пальцы сами знают где какие буквы и не нужно изобретать приемчики чтобы вытолкнуть слово наружу.

Мне нравится звук — с каким молоточки шлепают по черной ленте — потому что он всегда один и тот же. Я же никогда не знаю какие звуки выйдут из моего рта. Если вообще хоть какие-нибудь выйдут.

И еще. Я ненавижу запятые. Если можно обойтись без них — я их и не печатаю. Наш учитель литературы говорит: запятая означает что надо ненадолго остановиться. А я постоянно останавливаюсь хочу я того или нет. Причем надолго. Так что я стараюсь не печатать запятушек. Я лучше напечатаю квадриллион «и».

Я столько стучу на машинке что белые буквы на клавишах уже стираются. Но клавиша с запятой как новенькая. И пусть такой остается.

Ма приехала из Миссисипи в Мемфис когда мне было пять лет. Она стала жить с нами и приглядывать за мной. И одно я знаю точно: если бы не Ма дела у меня шли бы неважно.

Настоящее имя Ма — мисс Нелли Эвент. Мама сказала чтобы я называл ее мисс Нелли но у меня никак не получалось «мисс» а потом сразу «н». У меня выходило только «ма». А Ма такое имя вполне устраивало.

Ма говорила что мы хорошая пара. Сама она пишет неважно а вот у меня почерк просто загляденье. Тем более для такого бойца-огольца. Так Ма зовет меня — Боец-Оголец.

Ма — мой лучший друг. Но на бейсбольной площадке моим лучшим другом становится Рис. Его на самом деле зовут Крис.

Когда мы с ним познакомились в первый день третьего класса на его перчатке-ловушке было большими ровными буквами написано «Крис». Но мне пришлось прозвать его Рис. «Крис» у меня в тот день никак не выходило. Рис сказал что ему так нормально. Поэтому он с самого начала мне понравился. Он быстрее других понял что «Рис» — это все что я мог придумать из его имени потому что мне так легче выговаривать. Ма зовет его Мистер Каша. Я прямо угораю. Мистер Каша!

Может я крутейший придумыватель прозвищ во всем Мемфисе как раз потому что заикаюсь.

В последний школьный день я слишком сильно бросил мяч и угодил Рису прямо в лицо. Поэтому когда он собрался к бабушке с дедушкой на ферму где-то возле Мемфиса я пообещал разносить за него газеты. Мне не очень-то хотелось разносить газеты но я задолжал Рису за разбитую губу. Рис говорит что я чересчур выпендриваюсь с жесткими подачами. Похоже он прав. Я довольно больно ударил Риса и теперь должен был что-то для него сделать.

Пока я был газетчиком я знакомился с новыми людьми. В те несколько недель происходило кое-что плохое. И хорошее тоже. Ну то есть мне кажется что там было хорошее. Я еще разбираюсь со всеми этими делами. И разберусь. Надо только напечатать про них на бумаге.

Газеты можно бросать на крыльцо. Это мне сразу понравилось. Бросать у меня получается лучше всего. Бейбольные мячи. Камни. Комья грязи. Газеты. Да что угодно.

Но как же я боялся собирать деньги за газеты! Собирать деньги надо было в пятницу вечером. Каждую неделю. Я представлял себе как звоню в чью-нибудь дверь и у меня прямо живот сводило. Ненавижу разговаривать с людьми которые видят меня первый раз в жизни. Я же ничем не отлича-

юсь от любого другого мальчишки. Два глаза. Две руки. Две ноги. Стрижка бобриком. Ничего особенного. Но стоит мне открыть рот как я превращаюсь во что-то непонятное. Люди обычно не особенно задумываются почему я так говорю. Просто решают что у меня в голове шариков не хватает. И стараются побыстрее отделаться от меня.

Когда на душе беспокойно я иду поговорить с Ма. Она живет в пристройке над нашим гаражом.

Из кухни я увидел что у нее еще горит свет. Наверное Ма читала Библию хотя она не столько читает сколько просто рассматривает ее. Ма как-то учила со мной двадцать третий псалом и ей пришлось водить пальцем по строчкам. Мы с ней произносили слова но палец Ма не всегда указывал куда надо.

Я забрался по лестнице и постучал в дверь особым стуком. Что-то вроде «Собачьего вальса».

Что тебе Боец-Оголец?

С-с-с-дело есть.

Потолкуем а потом отправляйся домой. Спать.

Ма знала что собирать деньги за газеты для меня тяжелое дело. А еще она знала что когда у меня важный разговор я люблю сначала походить вокруг да около.

С-с-с-у тебя с-с-с-бывает чувство что с-с-с-скоро случится с-с-с-плохое?

Бывает Боец. Я росла в Колдуотере и вот у нас один старик предсказывал за будущее.

С-с-с-расскажи?

У него была белая кудрявая борода а предсказывал он так: бросал звериные кости и смотрел как они упадут. Люди говорили слушать того бородатого — святотатство но мне-то он не наврал.

Что он с-с-с-тебе с-с-с-сказал?

Что с моим старшим братом будет неладно. И в то лето наш Джон утонул в Колдуотер-Крик. Там воды-то было с чайную ложку.

С-с-с-как утонул?

Да кто ж знает. Доктор сказал у него у нашего славного мальчика внутри воды оказалось больше чем во всей той канаве.

Наконец я созрел сказать Ма что бросать газеты на крыльцо мне наверное понравится, но как подумаю что в пятницу вечером надо собирать деньги — и у меня живот сразу крутит.

Пойти с тобой?

С-с-с-надо чтобы я с-с-сам.

Старшеешь Боец. Я с тебя горжусь.

Ма сказала что ей еще надо прибраться у нас на кухне. Но я знал: она просто хочет удостовериться что кошки у меня на душе скребут не очень когтистые.

Когда мы входили в дом папин «бьюик» как раз подъехал. Отец стал доставать с заднего сиденья большой портфель и Ма придержала ему дверь.

Боец-то газеты будет разносить. Что скажете мистер Ви?

Отец взглянул на меня и улыбнулся:

Наверняка газеты он будет бросать не хуже чем бейсбольный мяч.

Я еще раньше сказал отцу что подумываю разносить газеты вместо Риса и он ответил:

Хорошее дело. Подставишь другу плечо.

Мы с Ма поднялись по лестнице и прошли по коридору. Мама сидела перед зеркалом у себя в спальне мазала лицо чем-то белым и накручивала на голову какие-то особые штуки — как всегда готовясь ко сну.

Спокойной ночи котик.

Я начал было: Спокойной ночи — но споткнулся на «с» и сразу понял что даже если одолею «с» все равно потом завязну на «н». Поэтому я просто ушел

к себе. Дыхание застряло в горле никакими хитрыми «свистками» его не одурачить. Под конец дня я устал.

Я умылся и почистил зубы. Ма бросила мою одежду и полотенца в корзину для грязного белья а потом зашла ко мне. Я уже лежал в кровати. Ма погладила мне пятку и уходя выключила свет.

Она давным-давно перестала целовать меня в макушку на ночь мне даже просить не пришлось. Ма вообще не обязательно было говорить о чем думаешь. В отличие от обычных взрослых. Она понимала все без слов.